

Вернувшись домой, Гу Чжао сразу прошёл в спальню. Усевшись за стол, он взял лист бумаги, на котором уже были какие-то пометки, перевернул его и принялся писать на чистой стороне. Ему нужно было тщательно всё обдумать и составить список удобрений, которые можно было бы производить в больших объёмах, не тратя при этом лишних денег.

Современных удобрений существовало великое множество: калийные, азотные, фосфорные... Но для их получения требовалось сложное оборудование и химические реакторы, о которых в нынешних условиях не стоило и мечтать. Нужно было что-то попроще. Например, азотнокислый аммоний. Процесс нехитрый: достаточно дать моче перебродить, добавить в неё сухой гипсовый порошок, смешать и оставить настаиваться.

Или взять обычную мочевины — тоже смесь мочи и гипса.

Оба этих вида удобрений обладали повышенной кислотностью, а значит, идеально подходили для щелочных почв, особенно для подкормки риса.

Основным компонентом мрамора был карбонат кальция. При обжиге он распадался, образуя негашёную известь, а та при соединении с водой превращалась в гашёную — гидроксид кальция. Гипс и есть гашёная известь. Мрамор — природный минерал, и, по логике вещей, в эту эпоху он уже должен быть известен.

— Чжоучжоу, а чем дядя Ван створаживает соевое молоко для тофу? — Гу Чжао смутно припомнил, что для этих целей иногда использовали гипс.

— Не знаю, — отозвался Ли Чжоучжоу. — Искусство делать тофу — это тайна семьи Ван, никто в деревне в их дела не лезет.

На самом-то деле желающие выведать секрет находились, и не раз. Ван Сюэ каждую зиму выручал за тофу немалые деньги, и соседи, считая чужие прибыли, то и дело завистливо вздыхали за его спиной. Но расспрашивать напрямую никто не решался — побоялись бы гнева хозяина лавки.

— А почему ты спрашиваешь, муж мой? Это как-то связано с урожаем?

Гу Чжао постарался объяснить как можно проще:

— Отчасти. Если он использует гипс, то, смешав его с мочой и дав перебродить, можно получить отличную подкормку. Но прежде нам с тобой придётся всё как следует проверить.

Теорию-то он знал, а вот к практике никогда не приступал. Нужно было выверить пропорции, иначе можно сжечь все посевы. Лучше сделать раствор послабее, чем переборщить.

— Наверное, неудобно будет спрашивать? — догадался Гу Чжао. — Скажи им, что нам нужен только гипс. Мы не собираемся красть их рецепт тофу, просто объясни, что это для других нужд.

Ли Чжоучжоу вздохнул:

— Дядя Ван — человек добрейшей души, а вот муж его, Ван Эргоу — сушая дрянь.

Гу Чжао редко слышал, чтобы супруг отзывался о ком-то с такой неприязнью. Чжоучжоу даже не пытался скрыть своего отвращения, а значит, этот человек и впрямь был последним мерзавцем.

— Постой, а почему у мужа дяди Вана такая же фамилия?

— Тот был подкидышем, его матушка Ван Эргоу подобрала, — пояснил Чжоучжоу. — В деревне все об этом знают. Семья тогда совсем обеднела, сын в жёны никого взять не мог — выкупа не было, — вот приёмьша и женили на Ван Эргоу.

Так и на деньгах сэкономили, и работника в доме оставили.

Видя, как расстроился Чжоучжоу, Гу Чжао подвинулся на скамье, освобождая место.

— Садись, расскажи толком.

Ли Чжоучжоу присел рядом с мужем, ища у него поддержки.

— Я с малых лет видел, как надрывается дядя Ван, и ещё тогда поклялся себе: лучше в гэ'эрах век доживать, чем за такого, как Ван Эргоу, выйти.

Во времена деда семейство Ван считалось зажиточным. Земли было много, люди в доме работали работающие. Сыну справили свадьбу, выстроили добротный дом из кирпича под черепичной крышей — один из первых в деревне. Невестка, матушка Эргоу, была девицей ладной и кроткой, а главное — с богатым приданым. Она-то и принесла умение делать тофу.

Выкуп за неё тогда отдали немалый — целых шесть ляней серебра. В деревне только и разговоров было, что невестке повезло: муж уважаемый, семья крепкая, живи да радуйся.

— Стало быть, хозяйство у них крепкое было, — вставил Гу Чжао, подбадривая супруга.

Чжоучжоу кивнул:

— Про те времена я только от бабушки слышал, сам-то тогда ещё не родился. Ванский дом первым в деревне считался. Потому-то хозяйка и смогла взять на воспитание подкидыша — никто и слова против не сказал.

В этом был смысл. В иных семьях своих-то детей кормить нечем было, какой уж там приёмыш.

Матушка Ван Эргоу незадолго до того потеряла дитя. Как-то пошла она с бабами в городок и на обочине дороги услышала слабый плач. Глянула — а там в ветхом тряпье младенец лежит. Личико от холода уже посинело. Не подбери она его — к утру бы замерз. Сердце у женщины, только что потерявшей своё чадо, не выдержало. Прижала она его к груди, принесла в городок к лекарю. Малыш оказался живучим, выкарабкался, хоть и рос потом слабеньким. В деревне поначалу судачили: мол, хоть и подкидыш, а всё же гэ'эр, лишний рот, зато как вырастет — так на выкупе заработаете. Как-никак, живая душа.

Так он в семье и остался. На следующий год матушка родила крепкого мальчика. Назвали его Эргоу — «Второй пёс», — дали имя похуже, чтобы злые духи не унесли его вслед за первым первенцем.

В деревне верили, что ребёнок пришёл в этот мир вслед за спасённым подкидышем, поэтому и к дяде Вану относились по-доброму, не обижали.

— А теперь он всю жизнь этот долг отдаёт, и конца-краю тому не видать, — с горечью проговорил Чжоучжоу. Гу Чжао подал ему чашку чая, и супруг, смутившись, сделал глоток из его рук. — Как старик Ван помер, отец Эргоу к костям пристрастился. Стал в кости играть.

— Заядлый игрок? — протянул Гу Чжао. — Теперь понятно, отчего всё прахом пошло.

В те времена цены стояли крепко. Что десять лет назад, что сейчас — мера риса стоила почти одинаково. Земля давала всё тот же урожай. Ежели в семье все работающие да бережливые, так и достаток в доме будет прирастать. А коли предки оставили доброе наследство, так и вовсе беды не знать, если только не нагрянет какая хворь или стихия.

— Стал он деньги просаживать. Я в этом не силён, но знаю, что спустил десять му заливных полей. А потом в городке его за долги избил, руку сломали. Работать он больше не мог, и всё хозяйство легло на плечи матушки да дяди Вана.

— А Эргоу, видать, в отца пошёл?

— В точности такой же. Только у них земли почти не осталось, так он теперь по деревне побирается да втихую поигрывает. Весь дом, все заботы — всё на дяде Ване. А муж ещё и деньги у него отбирает, что за тофу выручены. Кричит: «Жизнь твоя семье Ван принадлежит! Не подбери тебя моя матушка — сгнил бы в канаве, а ещё смеешь деньги прятать!» И руку на него поднимает... — Голос Чжоучжоу дрогнул от гнева.

Гу Чжао помрачнел, но лишь ласково погладил супруга по плечу.

Пока Сяо Тянь не родился, дяде Вану совсем туго приходилось. Эргоу, как деньги кончались, вваливался в дом, орал, крушил всё подряд. Свекры слова против сыну сказать не смели — тот и на них мог замахнуться. Даже мать родную как-то толкнул.

Как тот из дома уходил, старики начинали Ван Сюэ уговаривать: «Потерпи, он ещё молодой, неразумный. Вспомни, как мы тебя выводили». Твердили, мол, родишь дитя — так муж и остепенится, за ум возьмётся.

Но дядя Ван здоровьем был слаб, долго понести не мог. А когда уже и надеяться перестали — явился на свет Сяо Тянь. Старики-то обрадовались, думали — сын за ум возьмётся, да куда там.

— ...Видать, чувствуя вину, матушка Эргоу и научила его тофу делать.

— Да только толку-то? Работы у него только прибавилось. Свекровь теперь стара, хворает, на лекарства прорва денег уходит. Сын тоже слабенький, чуть ветерок — и в горячке лежит. Всё на плечах дяди Вана, — вздохнул Чжоучжоу.

Сколько бы тот ни трудился, в доме было слишком много ртов, и нужде не было конца.

— Одно утешение — Сяо Тянь мальчик послушный, отца жалеет. Дай бог, как вырастет — так хоть на старости лет дядя Ван покой узнает, — с надеждой добавил Чжоучжоу.

Гу Чжао не стал разочаровывать мужа. Пока Ван Эргоу жив и не бросил игру, никакого покоя в том доме не будет. Дядя Ван так и будет тянуть эту лямку, даже когда сын вырастет.

Разговор о семье Ван затянулся. Смеркалось. Ли Чжоучжоу засобирился на кухню, решив, что завтра же сходит к дяде Вану — они были в добрых отношениях, и в тайной беседе тот не откажет.

Гу Чжао же вернулся к своим записям. На бумаге уже теснились формулы. Можно было бы сделать железный купорос — он и как удобрение хорош, и вредителей бьёт. Но для этого нужны железные опилки и серная кислота... Слишком сложно.

Да и железо в государстве было на строгом учёте. То, что у крестьян на кухне по два котла железных было, император Канцзин ставил себе в заслугу как признак процветания. Кто ж позволит добро портить, чтобы железную окалину варить?

Пока Гу Чжао писал, во двор вернулся Ли Да.

— Гу Чжао, а что, Чжоучжоу ужин не готовит? — спросил он, заглядывая в залу.

— Отец, разве он не на кухне? — Гу Чжао вышел навстречу.

Ли Да покачал головой: кухня пуста, только в печи дрова потрескивают.

Гу Чжао сразу догадался, куда делся супруг.

— Кажется, я знаю, где он. Не беспокойтесь, отец, я сейчас его приведу.

— Иди, — Ли Да прошёл на кухню.

Раз огонь в печи ещё не прогорел, значит, Чжоучжоу убежал совсем недавно. Видать, затея с гипсом не давала ему покоя, вот он и решил не откладывать дело на завтра.

Так оно и было. Ли Чжоучжоу поставил вариться кашу, прикрыл котёл крышкой и, вытерев руки, припустил к дому дяди Вана. Тот жил неподалёку, на краю деревни — можно было обернуться вмиг, чтобы муж не терзался сомнениями всю ночь.

В сумерках в деревне было тихо: кто-то уже ужинал, кто-то готовился ко сну. В семье Ван ели дважды в день, мясо видели только по большим праздникам, да и то дядя Ван всё отдавал сыну и старикам, сам не доедал.

Чжоучжоу застал Ван Сюэ во дворе — тот крутил тяжёлый жернов, перетирая сою. Увидев гостя, хозяин удивился:

— Чжоучжоу? Если за тофу пришёл — так приходи завтра поутру, сейчас всё вышло.

Торговля тофу замирала только в первый день года. В остальное время дядя Ван работал не покладая рук — без денег в их доме было нельзя.

— Дядя Ван, я не за тофу.

— А зачем тогда? — Хозяин пригласил его во двор.

— Я хотел спросить... Вы ведь используете гипс, когда тофу делаете? — Чжоучжоу заговорил быстро, боясь, что его не так поймут. — Вы не подумайте чего, я не рецепт красть пришёл, мне он для другого дела нужен.

Тот, видя, как разволновался парень, негромко рассмеялся:

— Да не бойся ты, знаю я, что ты не такой. Подожди, я вынесу немного.

Хозяин зашёл в дом.

— Ворота не запирай, — бросил он на ходу.

Чжоучжоу остался стоять у приоткрытой калитки. Заходить внутрь он не решился. В доме было темно и неудобно. Его свекровь годами пила горькие отвары, так что всё кругом пропиталось запахом лекарств. Огня не зажигали из экономии, а ту печку, что дядя Ван купил сам, свёкор считал пустой тратой денег — днём её топили лишь недолго, а на ночь, когда прогревали кан, и вовсе гасили.

Вскоре мужчина вынес из кухни простую глиняную миску.

— Вот, держи.

— Спасибо, дядя Ван! Завтра за тофу приду — чашку верну.

Чжоучжоу уже собрался уходить, как вдруг ворота с грохотом распахнулись. Пьяный голос взревел:

— Так и знал! Дрянь, шлюха! Стоило мне за порог — так ты уже хахаля в дом притащил! Вот я вас и накрыл!

Это вернулся Ван Эргоу.

— Как денег прошу — так в слёзы, мол, нету ни гроша! А сам, видать, на сторону их таскаешь, мужиков кормишь! Сегодня без серебра никто не уйдёт! Убью обоих, тварей поганых!

Эргоу был изрядно пьян, язык у него заплетался, но злоба кипела вовсю. Каждый раз, возвращаясь, он требовал у мужа денег. Сначала тот давал по десять медных монет, но мерзавцу этого было мало, и он принимался честить Ван Сюэ на чём свет стоит.

В первый раз несчастный откупился, чтобы избежать позора, но Эргоу быстро смекнул, что к чему, и стал наглеть всё больше.

Вся деревня знала: дядя Ван живёт со стариками и сыном, работает от зари до зари, надрывается пуще быка. Откуда ему время на хахалей брать? Да и кто позарится на него — кожа да кости.

Поначалу соседи жалели Ван Сюэ, ругали Эргоу за бесчеловечность и враньё. Но со временем привыкли — в доме Ван скандалы гремели каждые несколько дней, и на них перестали обращать внимание.

— Да ты глянь сначала! Это же гэ'эр, какой ещё мужик! — пытался оправдаться дядя Ван.

Тот хоть и был пьян, а соображал — просто повод для денег искал. Он грубо оттолкнул супруга:

— Какой ещё гэ'эр! Здоровенный детина тут торчит, я что, слепой? Врёшь ты мне в глаза, ещё и перечить смеешь!

С этими словами он вцепился дяде Вану в ворот.

Чжоучжоу поставил миску на подоконник и бросился на помощь:

— Я — Ли Чжоучжоу, сын Ли Да! Я гэ'эр!

— Ах ты, паскуда, уже и в дом их водишь! Ежели б я вовремя не поспел, что б вы тут вытворяли?!

— Да не мели ты чепухи, Эргоу! — в отчаянии кричал дядя Ван. — Это же Чжоучжоу, он просто за делом зашёл!

Шум поднялся такой, что из дома выскочили старики Ван, а следом и Сяо Тянь. Старики вынесли масляную лампу. Пьяница продолжал орать, требуя утопить шлюху в пруду.

Те, поднеся лампу поближе, признали Чжоучжоу.

— Да это же Чжоучжоу из семьи Ли, он тоже гэ'эр. Ошибся ты, сынок.

Но Эргоу было не унять. Старуха-мать, вместо того чтобы приструнить сына, запричитала над ним:

— Ох, кровиночка моя! Где ж ты пропадал эти дни? На таком морозе, голодный, поди... Ишь, как исхудал!

Отец буркнул:

— Дай ты ему денег, чего орать-то на всю деревню.

— Слышал? Гони серебро! Один лян! — потребовал Эргоу.

Дядя Ван ахнул: таких денег в доме сроду не бывало. Старики тоже оторопели.

— Один лян? — заикаясь, пробормотал старик Ван. — Да это же прорва денег! Нам с матерью да с внуком на год меньше надобно!

— Не дадите — так я к старосте пойду! Пускай вся деревня узнает, как Ван Сюэ наш хлеб ест, нашей милостью живёт, а сам шлюхует напропалую!

Ван Сюэ — так звали дядю Вана. Ему дали это имя, потому что нашли в снегу.

— Да замолчи ты! — кричал дядя Ван. — Чжоучжоу просто за вещью зашёл, ты же знаешь его...

— Знаю я, за чем такие ходят! — Пьяница сплюнул и ткнул пальцем в сторону мужа. — Бесстыжая твоя рожа! Кто знает, от какого выродка ты Сяо Тяня прижил!

— Да что ты такое городишь, мерзавец!

Ван Сюэ не выдержал и бросился на мужа, но куда ему было тягаться с тем, кто на чужих харчах жир наел. Эргоу с лёгкостью отбросил его и замахнулся для удара. Тут уж Ли Чжоучжоу не стерпел и изо всей силы пнул обидчика.

Эргоу как раз ногу занёс, и удар пришёлся по опорной ноге. Пьяница не удержался и повалился в грязь. Старики тут же подняли вой, понося Чжоучжоу за то, что тот посмел поднять руку на их сокровище.

В этот момент к воротам подоспел Гу Чжао. Услышав крики о побоях и деньгах, он нахмурился и решительно толкнул калитку.

— Чжоучжоу, что здесь происходит?

В этой неразберихе он сразу нашёл глазами мужа. Ли Чжоучжоу, увидев Гу Чжао, покраснел от гнева и обиды. Он понимал, что связался с паршивым псом, и теперь этот Эргоу непременно попытается вытянуть из них деньги.

«Зря я не сдержался», — запоздало подумал он.

Теперь старики Ван наверняка потребуют плату за «ущерб». Своих денег им жалко, а вот поживиться за счёт семьи Ли — это они мигом.

Гу Чжао, быстро во всём разобравшись, коснулся руки супруга.

— Сейчас праздники, управа закрыта, — громко проговорил он. — Но как только пройдут

гулянья, если Ван Эргоу желает обвинить моего супруга в побоях — что ж, мы отправимся в округ и будем бить в барабаны, требуя правосудия.

— Раз все здесь, — продолжал он, — позовём старосту в свидетели. Я составлю прошение, и пятнадцатого числа мы все вместе отправимся в суд.

Эргоу только и умел, что мужа да кроткого гэ'эра пугать. Он знал, что приёмыш боится шума и позора, и всегда платил, лишь бы замять дело. А долги в городке на этот раз были велики, вот он и решил сорвать куш побольше. В суд-то идти он и не помышлял.

— Кого ты пугаешь? — храбрился Эргоу. — Этот детина мне ногу повредил! Хоть до небес жалуйся, а два ляня вынь да положи!

— Второй пункт тридцать восьмой статьи Гражданского кодекса Дали гласит, — ледяным тоном отчеканил Гу Чжао, — что за ложное обвинение замужнего гэ'эра в прелюбодеянии без доказательств полагается тридцать ударов палками и штраф в пятьсот монет. В особо тяжких случаях — месяц тюрьмы.

Гу Чжао говорил уверенно, глядя прямо в глаза пьянице. Закончив, он велел Чжоучжоу сбежать за отцом и пригласить старосту.

— Теперь не тебе решать, Ван Эргоу, теперь семья Ли этого дела так не оставит!

Ли Чжоучжоу верил мужу беспрекословно. Видя его решимость, он и сам приободрился.

— Я сейчас же приведу отца и старосту!

— И захвати мои письменные принадлежности, — добавил Гу Чжао.

Тут уж старики Ван не на шутку струхнули. Понимали ведь, что Чжоучжоу пнул-то не больно. Сын просто хотел денег вытянуть, а тут — суд, тюрьма... Зять Ли Да — человек учёный, писать умеет, говорить мастак, куда им против него?

Старуха бросилась преграждать путь Чжоучжоу, а когда поняла, что не справится, закричала Ван Сюэ:

— Стой! Уйми его! Это всё из-за тебя!

Старик Ван поспешно забормотал, что никакого возмещения не надо, и денег тоже.

— Ван Эргоу оклеветал моего мужа, опозорил его доброе имя! — не отступал Гу Чжао. —

Ежели староста не рассудит, так и будут в деревне думать, что Ли можно безнаказанно обижать! Сегодня вы нас задержите, а завтра?

Старуха Ван не пускала Чжоучжоу, умоляла Ван Сюэ вмешаться, но Гу Чжао стоял на своём. Эргоу, видя, что дело принимает скверный оборот, мигом вскочил на ноги — и следа от «увечья» не осталось. Он попытался схватить Гу Чжао за одежду.

Ли Чжоучжоу мигом заслонил мужа.

— Посмеешь ударить — и я потребую ещё лян за нападение! — спокойно бросил Гу Чжао.

Чжоучжоу сжал кулаки, готовый защищать супруга до конца.

— Муж мой, не оставайся здесь. Пойдём за отцом и старостой.

Старики Ван запричитали в голос, принялись колотить Ван Сюэ: «Бессердечная ты тварь! Мы тебе жизнь спасли! Знали б — в снегу оставили подыхать! Секрет тофу тебе доверили, а ты вот как отплатил?!»

Ван Сюэ с застывшим лицом вдруг опустился на колени перед Ли Чжоучжоу, но тот успел его подхватить.

— Дядя Ван, вы-то здесь при чём?

— Чжоучжоу, прошу тебя... молю, отпусти его на этот раз, — несчастный даже плакать не мог, глаза его были сухими и мёртвыми.

Ли Чжоучжоу вопросительно глянул на мужа. На душе у него было и горько, и гневно, но слов не находилось.

Всей деревне было жаль Ван Сюэ, но помочь ему никто не мог. Как-то Эргоу избил его так, что тот с кровати встать не мог. Соседи хотели старосту звать, так свекры их же и прогнали: мол, не ваше дело, Эргоу своего мужа учит, чего развопились.

А сам Ван Сюэ молчал и не жаловался. С тех пор в их дела никто не совался.

— Если я сегодня спущу это на тормозах, завтра он снова будет поносить моего супруга на каждом перекрёстке! — отрезал Гу Чжао. — Раз он грозился судом — пускай суд и рассудит. Тюрьмы ему всё равно не миновать.

— Не надо суда! Он пьян был, мелел что ни попадя!

— И то верно, они ж оба гэ'эры, что меж ними быть может?

Ван Сюэ продолжал молить, и даже Эргоу, струхнув, буркнул, что больше слова не скажет. Только тогда Гу Чжао нехотя кивнул:

— Ежели хоть один слух об этом вечере поползёт по деревне — буду знать, что это из вашего дома вышло. И тогда я засужу не только Эргоу, но и всю вашу семью.

На том и порешили.

Гу Чжао повёл мужа к выходу, но у самых ворот вдруг остановился и обернулся. Старики Ван так и замерли с открытыми ртами.

— А гипс где? — спросил Гу Чжао.

Чуть не забыли, зачем пришли. Теперь-то Чжоучжоу точно в этот дом за тофу не скоро заглянет — не захочет дядю Вана перед свекрами подставлять.

Ли Чжоучжоу вспомнил про миску и забрал её с подоконника. При свете лампы и луны Гу Чжао заглянул в неё: там была какая-то белёсая взвесь, похожая на хлопья. Он мазнул пальцем и попробовал на вкус.

Совсем не то. Оно и понятно: для еды никто технический гипс использовать не станет.

Зря сходили.

Гу Чжао поставил миску обратно:

— Не подходит. Пойдём.

Он взял Чжоучжоу за руку и вышел со двора. Из-за забора ещё долго доносились крики: старики костили семью Ли, ругали Ван Сюэ, и Эргоу им подпевал.

— Будут теперь за глаза лаяться, а в лицо — побоятся. Эргоу боится отца, — угрюмо проговорил Чжоучжоу. Он старался успокоить мужа, хотя сам больше переживал за дядю Вана. — Зря я сегодня пришёл.

Гу Чжао знал, что супруг будет винить себя.

— Ван Эргоу всё равно бы сегодня вернулся. И всё равно бы требовал денег и честил мужа. Один лян просил — тот бы не дал, и всё закончилось бы побоями. Разве не так? Твой приход

ничего не изменил в его участи. В бедах дяди Вана виновата только его семья.

Ежели б Ван Сюэ знал тридцать лет назад, какая жизнь его ждёт, он бы, верно, предпочёл замерзнуть в том сугробе.

— Твоя правда, муж мой, — вздохнул Чжоучжоу. — Вся деревня знает, как ему тяжело, а помочь некому. Разве что в страду подсоблю чем смогу. Скорей бы Сяо Тянь вырос.

Вся надежда дяди Вана была на сына. Но Гу Чжао понимал: именно из-за ребёнка тот и терпит всё, превратившись в бессловесную скотину для побоев. Но вслух он этого не сказал.

Дома их ждала готовая каша — Ли Да сам снял котёл с огня, не дождавшись детей. Услышав их рассказ о встрече с Ван Эргоу, он нахмурился:

— Этот паршивец тебя обидел?

— Нет, отец, муж за меня заступился, — ответил Чжоучжоу.

Ли Да усомнился: с таким-то тщедушным тельцем — скорее Чжоучжоу пришлось бы Гу Чжао защищать.

— Правда, отец! — подтвердил Чжоучжоу. — Он его так припугнул, что тот и пикнуть не смел. Сказал, что есть какой-то... — Он запнулся, не в силах выговорить сложное название, и глянул на мужа.

— Гражданский кодекс Дали, — улыбнулся Гу Чжао. — Я всё это выдумал, чтобы пса приструнить.

Ли Чжоучжоу округлил глаза: а не выйдет ли мужу боком такое враньё?

— Семья Ван об этом не проболтается. Дом их на отшибе, соседи далеко. Даже если слышали крики, слов моих не разобрали, — успокоил его Гу Чжао.

Ли Да посмотрел на зятя с новым уважением: и смел, и умён не по годам.

Сели ужинать. Ли Чжоучжоу ещё засветло нарубил кислой капусты, и теперь они ели её с горячей кашей при свете лампы.

— На самом деле я не совсем соврал, — продолжал Гу Чжао, прихлёбывая кашу. — Дела такие и впрямь случаются, только закона чёткого нет. Я в округе слышал, как учёные об этом толковали — всё на милость судьи отдаётся.

Прежний Гу Чжао как-то видел подобный суд: только там оклеветанный не смог серебром откупиться, и судья всё переиначил — пострадавшего мужа ещё и палками побили, и штраф наложили.

<http://bllate.org/book/15349/1420293>